

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

О.Т. Гаспарян

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ
И ЛЕГИТИМНОСТЬ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ:
МЕЖСТРАНОВОЙ АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОЙ
ВЗАИМОСВЯЗИ**

Препринт WP14/2013/05

Серия WP14

Политическая теория
и политический анализ

Москва
2013

УДК 352/354

ББК 66.3

Г22

Редактор серии WP14

«Политическая теория и политический анализ»

М.Ю. Урнов

Г22

Гаспарян, О. Т. Политическая децентрализация и легитимность центральной власти: межстрановой анализ возможной взаимосвязи [Текст] : препринт WP14/2013/05 / О. Т. Гаспарян ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 47[1] с. – (Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ»). – 50 экз.

В настоящее время довольно остро встает проблема центробежных и центростремительных сил в системе взаимоотношения «центр – регион». Это связано с тем, что ряд государств (не только федеративных, но и унитарных) все больше стремится к децентрализованному управлению. Политическая децентрализация может оказывать непосредственное влияние на организацию власти в государстве, а также способствовать появлению сильных региональных партий, которые будут проводить более эффективную политику в отношении проблем конкретного региона, нежели центральное правительство. Такое положение вещей может приводить к потере центральной властью своей легитимности.

Данная работа ставит своей целью проверить гипотезу о том, что в условиях политической децентрализации уровень легитимности центральной власти будет снижаться. Результаты статистического анализа на пространственно-временной выборке, включающей 74 государства за период с 1981 по 2009 г., показали, что исходная гипотеза о воздействии децентрализации на легитимность центральной власти подтверждается лишь на кластере сильно децентрализованных и федеративных государств. Для большинства унитарных государств гипотеза о взаимосвязи децентрализации и легитимности не нашла своего подтверждения.

Несмотря на некоторую неоднородность полученных результатов, мы можем отметить, что в условиях доминирования центробежных сил во взаимоотношениях «центр – регион» допустимо говорить о возможном начале смены модели легитимности: от центрального к региональному уровню власти.

УДК 352/354

ББК 66.3

Гаспарян Ольга Тиграновна – младший научный сотрудник Научно-учебной Лаборатории политических исследований НИУ ВШЭ.

Gasparyan, Olga T. Political Decentralization and Legitimacy: Cross-National Analysis of the Probable Influence [Text] : Working paper WP14/2013/05 / O.T. Gasparyan ; National Research University “Higher School of Economics”. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2013. – 47[1] p. – (Series WP14 “Political Theory and Political Analysis”) (in Russian). – 50 copies.

Olga T. Gasparyan – Junior Research Fellow, Laboratory for Political Studies HSE.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Гаспарян О.Т., 2013

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2013

1. Введение

В настоящее время проблема центробежных и центростремительных сил в системе взаимоотношений «центр – регион» встала довольно остро. Это связано с тем, что ряд унитарных государств все больше стремится к децентрализованному управлению государством, объясняя подобную организацию своей власти тем, что «сосредоточение всех возможных функций в центре ведет к чрезмерной бюрократизации, созданию громоздкого и неэффективного аппарата, не способного оперативно и адекватно решать проблемы территорий» [Туровский, 2006, с. 164]. Яркими примерами подобных процессов являются Великобритания, Испания, Италия, Филиппины, Франция [Там же, с. 165]. Ряду же федеративных государств, напротив, свойственна чрезмерная склонность к централизованному управлению и концентрации большинства полномочий в руках центра. Все это говорит о том, что изучение процессов политической децентрализации становится довольно актуальной темой. Мы также видим, что процессы политической децентрализации могут оказывать непосредственное влияние на организацию власти в государстве. Политическая децентрализация способствует появлению сильных региональных партий [Brancati, 2008], которые способны проводить более эффективную политику в отношении проблем конкретного региона, нежели центральное правительство. Такое положение вещей может привести к потере центральной властью своей легитимности. Основной вопрос данной работы – действительно ли с увеличением степени политической децентрализации существующая центральная власть теряет свою легитимность.

Рабочая гипотеза данного исследования состоит в том, что в условиях политической децентрализации граждане склонны в большей степени доверять региональной, нежели центральной власти, что приводит к ситуации, когда в условиях увеличения политической децентрализации государства его центральная власть все меньше пользуется доверием у граждан. Иными словами, политическая децентрализация влечет за собой снижение уровня легитимности центральной власти.

Исследование состоит из трех частей. В первой части работы проводится анализ проблемного поля, а также обзор литературы по анализируемой проблеме и концептуализация основных понятий исследования. Во второй части читателю предлагается описание методологии, основных методов исследования, а также операционализация исследуемых

концептов и описание массива данных. Третья часть работы включает результаты эмпирического исследования и содержательную интерпретацию полученных результатов. В заключении представлены основные выводы.

2. Описание проблемного поля исследования

За последние 40 лет волна децентрализации прокатилась практически по всему миру. Если в начале 1970-х годов число стран с очевидной децентрализацией (без учета стран с формально закрепленной в законодательстве политической децентрализацией) было довольно мало, то в настоящее время процессы децентрализации получили распространение во многих государствах по всему миру. Начало 1970-х годов характеризовалось явным преимуществом централизованных национальных государств, сегодня же примерно 95% всех демократий мира избирают региональные правительства. И это касается не только развитых стран Запада, но и развивающихся стран Азии, Латинской Америки и Африки. Изначально децентрализация была в некотором роде способом увеличения эффективности и конкурентоспособности региональных групп, затем же стало очевидно, что она может давать определенные положительные результаты для государства в целом не только в политическом, но и в социально-экономическом смысле.

На сегодняшний день мы можем привести примеры таких государств, как Бельгия, Италия, Испания, где проведение набора реформ способствовало увеличению автономии региональной власти. Франция и Польша также поняли неизбежность регионализации, что привело к снятию ряда ограничений на распространение этого процесса (в частности, в этих государствах были введены прямые выборы в региональные ассамблеи). Великобритания, Испания, Италия и Португалия законодательно закрепили передачу части полномочий от центра к регионам. Таким образом, мы видим, что даже унитарные государства Западной Европы на формальном уровне признают неизбежность распространения процессов децентрализации в современном мире. Однако подобная политика свойственна не только развитым странам Европы. Ряд стран Азии, такие как Вьетнам, Индонезия, Китай и Филиппины, также сделали видимый скачок в сторону признания необходимости хотя бы частичной автоно-

мии регионов. При этом характер проведенных реформ и изменений в этих странах сильно варьируется: от радикального реформирования системы государственного управления, как в случае с Индонезией, до медленной и ступенчатой трансформации взаимоотношений между центром и регионами, как в случае с Китаем, где региональные и местные власти довольно долго добивались своей экономической и финансовой автономии. Даже Африканский регион, исконно считающийся оплотом централизма, претерпел серьезные трансформации в отношении проблемы «центр – регионы». В настоящее время региональный уровень управления существует в таких странах, как Нигерия, Уганда и ЮАР.

Процессы децентрализации привели к политическим трансформациям и в федеративных государствах. Так, например, новая волна децентрализации была отмечена в 1992 г. в Индии, а также ряд политических трансформаций в странах Латинской Америки в конце 1980–1990-х годов (Бразилия 1988 г., Мексика 1990 г.).

Эффект от процесса передачи ряда полномочий от центра к регионам обычно прослеживается по реакции граждан на подобные трансформации в политической структуре государства. Сегодня в политической науке получило распространение течение «новые регионалисты» («*new regionalist*» *literature*) [Hechter, 1992; Horowitz, 1985; Tursan, 1998; Moreno, 2001], которые выдвигают предположение о том, что в условиях сильной политической децентрализации граждане склонны в большей степени поддерживать региональные правительства. Это приводит к большей состоятельности и легитимности регионального уровня власти по сравнению центральным [Bardhan, 2002].

Профессор Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе Д. Трисман описывает существование нескольких типов децентрализации: административную (*administrative decentralization*), политическую (*political decentralization*) и фискальную (*fiscal decentralization*) [Treisman, 2007]. Однако он отмечает, что выделенные им три типа децентрализации являются «идеальными типами». Следовательно, в реальной политической практике все они оказываются сильно взаимосвязанными.

Говоря о едином определении децентрализации, в общем случае мы можем назвать децентрализованным то государство, в котором центральный уровень власти играет меньшую роль, чем все остальные уровни власти [Schneider, 2003].

Вопрос измерения является одним из ключевых и наиболее спорных моментов в определении понятия децентрализации. Наиболее распро-

страненная классификация стран по их территориальному устройству предполагает введение фиктивной (дамми) переменной на наличие или отсутствие конституционно закрепленного института федерализма. Иными словами, предлагается дихотомично разделять государства на унитарные и федеративные и присваивать им, соответственно, значения 0 и 1. Однако здесь мы имеем дело непосредственно с институтом федерализма, но никак не учитываем процессы децентрализации государства, которые в последнее время получают широкое распространение и в унитарных государствах.

А. Лейпхарт, вводя понятие «индекс федерализма», предлагает иное измерение уровня децентрализации [Lijphart, 1999]. Его индикатор децентрализации представляет собой порядковую шкалу значений от 1 до 5, где унитарным государствам, как правило, присваивается 1, а федеративным государствам с довольно устойчивым институтом федерализма – 5. Например, он приписывает Великобритании, Греции и Новой Зеландии значение «1», в то время как Бельгия получает значение «3,2», а Испания – «3», законодательно закрепленные федерации – Австралия, Германия, Канада, США и Швейцария – получают «5». Однако мы видим, что данная шкала оказывается несовершенной. Это доказывают одинаковые значения показателя индекса для Греции и Великобритании, например. Ведь стремление отдельных частей Великобритании – Шотландии и Ирландии – стать самостоятельными независимыми государствами скорее напоминают ситуацию в Испании или Канаде. Аналогичную критику можно привести и для федеративных государств. Институт федерализма в Германии и США совершенно не похож на федерализм в Канаде с его сепаратистскими настроениями в Квебеке. Все это наводит на мысль об упрощенности шкалы А. Лейпхарта и о том, что она не отражает в должной мере гетерогенность децентрализованных режимов.

Чаще всего в качестве так называемой прокси (*proxy*), т.е. наиболее подходящего индикатора, для измерения децентрализации используют долю расходов региональных правительств (*subnational share in total government expenditure*), рассчитанную Международным валютным фондом (МВФ) [Oates, 1999]. Основная критика данного показателя в качестве индикатора децентрализации связана с тем, что он является измерителем преимущественно фискальной (бюджетной) децентрализации. В то же время мы отмечаем, что финансовая децентрализация не может суще-

ствовать отдельно от политической [Treisman, 2007; Filippov, Ordeshook, Shvetsova, 2004] и что эти процессы взаимосвязаны, а потому применение показателя доли расходов региональных правительств для оценки непосредственно политической децентрализации оказывается вполне корректным. Кроме того, стоит отметить, что в отличие от других индикаторов децентрализации, показатель доли расходов региональных правительств измеряется в интервальной (количественной) шкале, что облегчает дальнейшую процедуру анализа концепта децентрализации.

Концептуализация понятия «легитимность» оказывается более сложной задачей. Обычно под легитимностью понимается одобрение гражданами государства существующего политического режима и правящей властной элиты. Легитимность власти или режима можно описывать, опираясь на три основания: как данный режим пришел к власти, что он дает гражданам и какую историческую связь он имеет с этими самими гражданами [Hardin, 2009]. Если же говорить о легитимности как о предмете исследования в политических и социальных науках, то это один из самых спорных концептов. Поскольку легитимность представляет собой психологическую характеристику, т.е. некоторую субъективную оценку действующего режима, то говорить о четко сформированном определении данного понятия также не приходится.

Гипотеза о том, что легитимность должна восприниматься исключительно в нормативном понимании, потерпела поражение с появлением веберовского подхода к пониманию легитимности, который и по сей день не теряет своей актуальности. С точки зрения М. Вебера [Weber, 1922], любое государство представляет собой отлаженную систему функционирования государственных органов, направленную на моральное правление и на благоденствие и процветание государства. Все же зависит исключительно от того, в чьи руки попадает это государство. А потому логично, чтобы граждане оценивали не просто систему нормативно-правовых актов, на основе которых работает то или иное правительство, а непосредственные решения, которые принимает это правительство [Hardin, 2009]. Следовательно, необходимо совмещение нормативного и позитивного подходов к пониманию легитимности [Ibid.]. Иными словами, легитимность оказывается многосоставным понятием, которые включает как политические факторы, т.е. оценку существующего законодательства и результатов тех решений, которые принимает

действующая власть, так и психологические характеристики, выраженные в доверии граждан находящимся у власти должностным лицам. Подобная многосоставность концепта легитимности привела к возникновению трудностей, связанных с измерением этого понятия. Одной из первых попыток измерения легитимности считается концепция М. Уезерфорда [Weatherford, 1922]. Он отмечает, что понятие легитимности должно включать такие категории, как политическое доверие, политическое участие и политическая эффективность, каждое из которых в определенном смысле сводится к рассмотрению того, как граждане оценивают существующую государственную власть. М. Уезерфорд рассматривает два понимания легитимности: легитимность «сверху», т.е. понимание легитимности со стороны системы (*system-level aspects of legitimacy*) и легитимность «снизу» (*view from the grass roots: the relevance of the public opinion*).

Ряд исследователей акцентируют внимание на взаимосвязи легитимности с государственной стабильностью [Useem B., Useem M., 1979]. Государственная легитимность представляет собой веру общества в существующие в государстве политические институты, а также доверие граждан к официальным властям.

Еще одной попыткой измерения легитимности оказывается концепция Б. Гилей. Он определяет легитимность как способность граждан на независимое признание или непризнание действующего политического курса (действующей власти), а также разграничение таких понятий, как политическая и социальная власть. В качестве объектов легитимности в данном случае могут выступать конституции, законодательные акты, политики, судьи, нации, политические процессы. Автор же останавливается непосредственно на определении легитимности государства как единого политического института [Gilley, 2006].

Таким образом, в данной работе понятие легитимности будет складываться из трех пониманий – составляющих концепта: психологическая характеристика одобрения гражданами существующих политических институтов и решений, принимаемых этими институтами, участие граждан в политике, а также «легитимность сверху», т.е. справедливость и ответственность власти (справедливость политических институтов).

3. Связь политической децентрализации и легитимности центральной власти государства: обзор литературы

Чрезмерный интерес к научному исследованию федерализма и процессов децентрализации на рубеже XX–XXI вв. оказался неслучайным. Современный федерализм в широком смысле слова является одной из основных характеристик многих политических систем, что позволяет ему объединять в себе как старые федеративные режимы (в Австралии, Канаде, США и Швейцарии, например), так и вновь образованные федеративные государства (послевоенные Австрия и Германия, а также ряд государств за пределами европейского континента: Индия и Малайзия в Азии и Аргентина, Бразилия, Венесуэла и Мексика – в Латинской Америке). Но что самое важное, федерализм перестает ассоциироваться исключительно с федеративными государствами. Некоторые традиционно централизованные государства испытывают влияние процессов децентрализации, например Великобритания, Испания, Франция [Galligan, 2009].

Тем не менее ряд исследователей отмечают, что процессы децентрализации могут сопровождаться определенными рисками для государства в целом, а именно для его государственной состоятельности, его суверенитета и легитимности его власти. Ведь государство с несколькими уровнями управления предполагает так называемый «разделенный суверенитет», а также многоуровневость управленческих структур [Lazar, Telford, Watts, 2003]. Развитие федерализма и децентрализации приводят к изменению видения суверенного государства (*paradigm shift*): от суверенных централизованных национальных государств к государствам со сжатым государственным суверенитетом и расширенными межрегиональными связями [Watts, 1999]. Р. Уотс утверждает, что если раньше самым важным для государства был его суверенитет, некоторый центр, та опора, на которой строилась вся государственность, то сегодня в эпоху глобализации и размывания границ национальных государств гораздо более важным оказывается эффективность решения конкретных проблем на региональном и локальном уровне, т.е. на первое место выходят региональные и локальные административные структуры, а также те взаимосвязи, которые могут существовать между этими региональными акторами внутри одного государства. По мнению Р. Уотса, в современном

мире федерации оказываются довольно популярной формой территориального устройства, однако он отмечает, что при описании федеративных режимов нельзя забывать и про так называемые квазифедерации, т.е. децентрализованные унитарные государства, которые не имеют никакого формально-правового закрепления своей федеративной структуры, но де-факто характеризуются наличием разграничения ряда полномочий между центральной и региональной властью.

Изучение процессов децентрализации необходимо для понимания политики государств, для описания структуры их государственного управления, а также для определения их государственной состоятельности. В то же время определение основных характеристик федеративных государств поможет нам с определением основных тенденций децентрализации. Именно так поступил М. Дэвис [Davis, 1999], проанализировавший особенности китайской финансовой децентрализации.

Процесс децентрализации так или иначе влияет на всю политическую систему государства. Изначально экономисты и представители теории общественного выбора характеризовали институт федерализма как некоторый положительный элемент в развитии всей системы государства. Считалось, что децентрализация способствует развитию демократических институтов и рынка, а также снижению бюрократического бремени [Beramendi, 2009]. Однако дальнейшее изучение федерализма и децентрализации в разрезе межстрановых исследований, в частности, показали, что влияние новых процессов в организации государственной власти не столь однозначно. Так, например, процессы распределения полномочий между отдельными уровнями власти имеют целый ряд довольно серьезных издержек и негативно влияют как на эффективность государственного управления, так и на уровень экономического развития государства. Все это привело к развенчанию «*иллюзии о федерализме*» (“*federalism disillusion*”) [Beramendi, 2009].

В середине 1990-х годов получает широкое распространение изучение взаимосвязи процессов федерализма и децентрализации с уровнем демократичности государства, уровнем социального неравенства и распределения доходов. Так, К. Бойш отмечает, что если децентрализация способна оказывать влияние на перераспределение доходов, то федерализм будет способствовать развитию демократии с высокой долей межрегионального социального неравенства [Voix, 2003].

Анализируется также влияние процессов децентрализации на частоту этнических конфликтов в государстве. Здесь можно встретить доволь-

но противоречивые выводы. С одной стороны, существуют эмпирические доказательства того, что демократии, появившиеся до столь сильного развития децентрализации и института федерализма, подвержены сецессионистским тенденциям [Brunce, 2004]. С другой стороны, большое развитие получила и идея о том, что чрезмерная децентрализация и развитие института федерализма приводят к усилению самостоятельности и мобилизации этнических меньшинств, что, в свою очередь, способствует увеличению вероятности возникновения этнических конфликтов [Bermeo, 2004; Brancati, 2006]. Региональные партии (в качестве примеров можно привести Баскскую националистическую партию в Испании – Partido Nacionalista Basco, Forza Italia в Италии, партия Квебека – Quebec Party, Dravida Munnetra Kazaghm в Индии) могут мобилизовать группы для участия в межэтнических конфликтах, а также поощрять сецессионистские желания этнических меньшинств [Brancati, 2008].

С начала 2000-х годов наблюдался и рост интереса к проблеме взаимосвязи федерализма и процессов децентрализации с уровнем эффективности государственного управления, а также к проблеме влияния новой организации государственной власти (переход от одного центрального уровня управления к многоуровневому управлению государством) на эффективность государственной политики и на легитимность центральной власти. Отмечалось, что децентрализация может способствовать росту государственной эффективности и государственной самостоятельности [Rodriguez-Pose, Tijnstra, Bwire, 2009]. В то же время было выдвинуто предположение о том, что именно уровень легитимации государственной власти оказывает самое весомое влияние на эффективность и реализацию государственной политики в регионах. В условиях децентрализации граждане склонны больше признавать власть своего регионального правительства, нежели общенационального, что неминуемо приводит к реализации власти «снизу – вверх», а следовательно, регионы становятся основными акторами общенациональной политики. В подобной ситуации региональные силы, пришедшие к власти на федеральном уровне, могут реализовывать интересы регионов, что будет приводить к эффективному распределению ресурсов государства между отдельными частями страны. Если же уровень легитимности центральной власти выше, чем у региональных правительств, это приводит к структуре организации власти «сверху – вниз». Но общенациональное правительство, как правило, просто неспособно отвечать на все требования регионов. Ведь это является прерогативой регионального уровня власти.

В результате такой системы государство рискует провести неэффективную государственную политику, что в итоге может подорвать авторитет этой власти в глазах граждан.

Изучение негативных последствий децентрализации выявило, что к отрицательным эффектам от нее можно отнести коррупцию и неэффективное управление на низовом (региональном) уровне [Hadenius, 2003; Bardhan, 2002]. А. Хадениус предполагает, что все это имеет прямое отрицательное влияние на эффективность работы общественного сектора, а также на политическую систему в целом. Неэффективное и коррумпированное правительство зачастую стимулирует появление клиентелизма. Все это ведет к тому, что граждане (grass root) перестают что-либо решать в политической жизни своей страны. Это неминуемо приводит к снижению легитимности государственной власти [Hadenius, 2003].

Одним из самых популярных кейсов в исследованиях взаимосвязи децентрализации и легитимности стал пример китайской децентрализации. Этот пример в своем исследовании описал профессор Гонконгского университета Ч. Каи-Минг [Kai-Ming, 1994]. Он показал на примере образовательной политики Китая, что снижение роли центральной власти в решении социальных проблем регионов приводит к снижению ее легитимности. Если раньше центральная власть концентрировала в своих руках все полномочия по распределению ресурсов между отдельными регионами и играла ключевую роль в бюджетной политике страны, то и все надежды граждан возлагались именно на центральную власть. Но постепенно с перераспределением полномочий между центральными и региональными властными структурами восприятие всей государственной политики в глазах граждан изменилось. Китайское общество, основанное на традициях уважения и поддержки действующей власти, неизбежно стремится к легитимации этой власти. Однако граждане понимают, что реальные политические решения по ряду социальных вопросов находятся в руках региональных элит, что, в свою очередь, стимулирует рост легитимности региональных (местных) властей. Безусловно, так как Китай является унитарным государством, то многие директивы, реализуемые местными властями, исходят от центра, но конкретные политические решения и непосредственное взаимодействие с гражданами осуществляют региональные (или местные) властные структуры. Ч. Каи-Минг предположил, что подобная ситуация свойственна не только китайской политической системе. По его мнению, было бы логичным, что в ситуации успеха децентрализованного управления, когда центр фактически наделяет

региональные (или местные) властные элиты автономией в решении определенных политических вопросов, происходит радикальная смена модели легитимности. Следовательно, основания для существования старой модели легитимности, когда центральная власть была предметом доверия для граждан, исчезают, и она заменяется новой моделью, что стимулирует развитие процессов децентрализации с еще большей силой.

Главный вывод, к которому пришел Ч. Каи-Минг на примере Китая, заключается в том, что процессы децентрализации могут иметь весьма противоречивые последствия даже внутри одного государства. Так он показал, что децентрализация может приводить к росту неравенства между отдельными регионами государства. Все это ведет к довольно любопытной ситуации, когда развитые регионы продолжают легитимировать центральную власть за ее способность грамотно перераспределять полномочия между центром и регионами и, соответственно, увеличивать эффективность государственной политики. В то время как в бедных регионах центральная власть теряет свою легитимность в связи с неспособностью решать локальные проблемы этих регионов. Все это приводит Ч. Каи-Минга к выводу о том, что процессы легитимации в условиях политической и финансовой децентрализации представляют собой довольно сложный процесс восприятия гражданами как политики центра, так и решений, принимаемых региональными элитами. Однако важным выводом данного исследования становится сама идея о наличии взаимосвязи между процессами децентрализации и легитимацией действующей политической власти. Вопрос лишь в том, какой характер носит эта взаимосвязь, действительно ли центральная власть теряет доверие граждан в условиях политической децентрализации или же, наоборот, вызывает одобрение со стороны граждан.

Таким образом, мы можем сказать, что исследования влияния децентрализации на уровень государственной состоятельности и политической легитимности центра, т.е. одобрение гражданами существующего политического режима и органов центральной власти, приводят к довольно противоречивым результатам. Нельзя забывать и о том, что важную роль в подобных процессах играет экономическое и социально-демографическое положение стран, а также «эффект колеи», т.е. зависимость от предшествующего развития. В такой ситуации действительно сложно понять, существует ли подобная взаимосвязь и каков ее характер, какова в принципе тенденция изменения государственности и восприятие государствен-

ной власти в ситуации развития процессов децентрализации в мире. Именно это и становится основной проблемой данного исследования.

4. Описание данных

4.1. Децентрализация

В качестве индикатора для измерения уровня политической децентрализации был выбран показатель доли расходов региональных правительств МВФ. Во избежание чрезмерной субъективности в построении специально созданных индексов в качестве источника данных для межстрановых исследований стоит использовать данные государственной статистики, собранные в единую базу данных Международного валютного фонда – Government Finance Statistics. Безусловно, статистические данные не лишены ошибок и неточностей, но они представляют собой собранные воедино стандартизированные данные по финансовым показателям для 149 стран начиная с 1960 г. [IMF]. Важной особенностью этой базы является то, что она представляет собой данные не только по финансовым операциям центрального правительства, но также включает около 50 переменных для каждого уровня власти (центрального, регионального и местного), что позволяет проводить более детальный и объективный анализ. Как уже было сказано, в качестве основного индикатора для измерения уровня децентрализации использовался показатель доли расходов региональных правительств. Подобный выбор финансовой переменной объясняется тем, что именно распределение расходов позволяет оценить, насколько самостоятельны регионы или отдельные части государства. Если регионы могут самостоятельно оплачивать свой социально-экономический сектор, то это говорит об определенной самостоятельности рассматриваемого региона. Таким образом, мы допускаем, что если большая часть расходов приходится именно на субнациональный уровень, то это свидетельствует о высокой степени финансовой автономии отдельных территориальных единиц и, следовательно, о высокой степени децентрализации государства. Однако стоит отметить, что основным недостатком данного индикатора и всей государственной статистики по финансовым переменным является невозможность оценки политического подтекста данных финансовых потоков. Иными словами, остается непонятным, самостоятельно ли регионы принимают решения

о тех или иных финансовых затратах или же эти решения в большей степени исходят от центрального правительства. Тем не менее принято считать, что данный показатель отражает уровень финансовой децентрализации государства.

Доля расходов региональных правительств является одним из индикаторов финансовой децентрализации (*Fiscal Decentralization Indicators*). Так как померить как таковую политическую децентрализацию (разграничение полномочий между центром и регионами) довольно сложно, то, по сути, речь идет о финансовой децентрализации. Рассматриваемый нами показатель отражает долю, которую составляют расходы региональных правительств в общем объеме расходов по всей стране, что, в свою очередь, может служить индикатором автономности или же, наоборот, зависимости регионов от центра. Соответственно, чем выше этот показатель, тем более независим регион от общенационального центра в финансовом плане. Таким образом, мы можем сказать, что данный показатель будет служить прокси (*proxy*), т.е. индикатором политической децентрализации. Показатель измеряется как процентная доля от федерального бюджета и, следовательно, представлен в шкале от 0 до 100. Данные взяты из базы данных финансовых показателей (*Financial Indicators*) Всемирного банка (*World Bank*), собранных Международным валютным фондом (*International Monetary Fund*) [IMF] на основе данных по государственной статистике отдельно взятых стран [IMF, FDI].

4.2. Легитимность

Для измерения комплексного и многосоставного понятия легитимности была использована процедура построения интегрального индекса. В качестве первого шага в построении интегрального индекса было важным выбрать ряд релевантных субиндикаторов, которые наиболее полно отражали бы смысл измеряемого концепта. Здесь на передний план выходит проблема валидности, т.е. насколько полно выбранные нами показатели отражают смысл и содержание исследуемого концепта. Понятие легитимности в рамках данного исследования складывалось из трех основных составляющих: одобрения гражданами существующей власти, политического участия граждан, а также справедливости власти. Исходя из этих трех пониманий легитимности был подобран набор субиндикаторов, наиболее полно отражающих смысл каждого из трех аспектов.

1. *Одобрение гражданами* существующих политических институтов представлено следующими субиндикаторами:

- интерес к политике – interest in politics – индикатор базы данных World Value Survey [WVS] (показатель номер e_023), отражающий процент всех респондентов, которые интересуются политической жизнью своей страны и готовы активно в ней участвовать. Переменная в массиве данных: **int_pol_n**;

- доверие к органам власти – confidence in civil services – индикатор базы данных World Value Survey (показатель номер e_076), отражающий процент респондентов, демонстрирующих доверие органам государственной власти в своей стране. Переменная в массиве данных: **conf_civser_n**;

- доверие полиции – confidence in police – индикатор базы данных World Value Survey (показатель номер e_074), отражающий процент респондентов, демонстрирующих доверие к правоохранительным органам своего государства. Переменная в массиве данных: **conf_pol_n**.

2. *Политическая активность* граждан измеряется показателем уровня политической активности – political activity (political actions: attending lawful demonstrations) (показатель e_027) – индикатор базы данных World Value Survey, отражающий процент респондентов, готовых активно участвовать в санкционированных акциях протеста. Переменная в массиве данных: **polact_n**.

Четыре отобранных субиндикатора взяты из базы данных World Value Survey, представляющей собой масштабный исследовательский проект, занимающийся оценкой динамики ценностей и верований людей. База данных проекта построена на основе результатов опросов граждан чуть более 80 стран за пять промежутков времени – пять волн: 1981–1984 гг., 1989–1990 гг., 1995–1998 гг., 1999–2000 гг., 2005–2008 гг. Это единственный столь масштабный проект, включающий межстрановую оценку ценностей и поведения людей. Изначально проект был запущен с идеей проверки гипотезы о влиянии экономических и технологических изменений на динамику базовых ценностей людей. Первые исследования и опросы проводились в ряде европейских государств и представляли собой European Values Survey. Затем проект был расширен и стал проводиться на всех континентах, что позволило ему приобрести статус общемирового. Немаловажную роль в организации данного проекта сыграл профессор Мичиганского университета (*University of Michigan*) –

Р. Инглхарт (*R. Inglehart*). На сегодняшний день весь архив проекта в общей сложности составляет более 1000 официальных публикаций на 20 языках, а также несколько тысяч смежных и дополнительных статей и гайдов.

3. *Справедливость государственной власти* оценивается следующим набором индикаторов:

- независимость судебной ветви власти – данный показатель отражает, насколько независима судебная ветвь власти от контроля со стороны прочих государственных институтов. Ключевые вопросы в определении значения данного показателя заключаются в том, могут ли государственные должностные лица смещать судей с занимаемых ими постов, могут ли действия других ветвей власти подлежать рассмотрению в суде, являются ли судебные слушания открытыми, защищены ли судьи от актов коррупции или запугивания в их адрес и защищены ли судебные дела от внешнего вмешательства со стороны любых иных государственных должностных лиц (кроме самих судей). Переменная в массиве данных: **indep_jud_n**;

- внесудебные убийства – это убийства граждан, организованные государственными должными лицами без проведения должного судебного процесса. Они могут включать также и убийства, произведенные частными группами, но по заказу государственных органов. Подобные убийства становятся результатом преднамеренного и нелегального превышения своих полномочий со стороны должностных лиц, полиции, силовых структур. Переменная в массиве данных: **extr_kill_n**;

- лишение свободы по политическим основаниям относится к случаям заключения граждан под арест на основании их речей, их ненасильственной оппозиционной деятельности, их религиозных убеждений, их ненасильственных религиозных практик или же их членства в особых этнических группах. Таких заключенных зачастую называют «заключенные совести». Некоторые правительства склонны характеризовать таких людей как террористов и таким образом искусственно создавать условия для их заключения под арест. На самом же деле все их действия являются не более чем реализацией их гражданских прав и свобод и никаким образом не противоречат законодательству конкретного государства. Переменная в массиве данных: **pol_impr_n**.

Три последних индикатора взяты из базы данных Cingranelli-Richards (CIRI) Human Rights Data Project [CIRI], созданной профессором политологии Университета Бингемтона (Binghamton University) Д. Чингранелли (David Cingranelli) и профессором политологии Университета Коннектикута (The University of Connecticut) Д. Ричардсом (David L. Richards). База данных CIRI ежегодно публикует данные по оценке 15 основных прав человека в 195 странах мира. В базе хранятся данные с 1981 г.

Далее было проведено агрегирование отобранных субиндикаторов в единый интегральный индекс легитимности. В качестве метода агрегирования был использован *метод главных компонент (МГК)*.

Таблица 1. Результаты МГК для построения индекса легитимности

Компоненты	Общая объясненная дисперсия					
	Собственные значения			Выведенная сумма квадратов нагрузок		
	Абсолютная величина	Процент объясненной дисперсии	Процент кумулятивной объясненной дисперсии	Абсолютное значение	Процент объясненной дисперсии	Процент кумулятивной объясненной дисперсии
1	2,256	32,233	32,233	2,256	32,233	32,233
2	1,692	24,169	56,402	1,692	24,169	56,402
3	1,013	14,469	70,871	1,013	14,469	70,871
4	0,646	9,223	80,094			
5	0,554	7,911	88,005			
6	0,430	6,147	94,152			
7	0,409	5,848	100,000			

Таблица 2. Матрица компонент для построения индекса легитимности

	Компоненты		
	1	2	3
int_pol_n	0,317	0,558	-0,585
conf_civser_n	-0,207	0,850	0,049
conf_pol_n	0,320	0,736	0,349
polact_n	-0,569	0,092	0,614
extr_kill_n	0,736	0,150	0,174
pol Impr_n	0,795	-0,270	0,051
indep_jud_n	0,717	-0,112	0,369

Метод главных компонент

Выведено три главные компоненты

С использованием метода Кайзера (собственное значение больше 1) были выделены три главные компоненты с кумулятивной информативностью, равной примерно 71% (табл. 1, 2). Нормировка их общей информативности к 100% позволила переоценить доли объясненной вариации (веса) каждой из компонент. И для построения итогового индекса легитимности была выведена следующая формула:

$$\begin{aligned} \text{Индекс легитимности} = & (0,32/0,71) \cdot \text{Компонента 1} + (0,24/0,71) \cdot \\ & \text{Компонента 2} + (0,14/0,71) \cdot \text{Компонента 3} = \\ & 0,4548 \cdot \text{Компонента 1} + 0,3410 \cdot \text{Компонента 2} \\ & + 0,2042 \cdot \text{Компонента 3}. \end{aligned}$$

4.3. Контрольные переменные

Контрольные переменные служат для выполнения условия «при прочих равных» (*ceteris paribus*). В данном исследовании в качестве контрольных переменных используются следующие:

1. Население государства (Population) – общее население государства; показатель измерен Всемирным банком (The World Bank) на основе государственной статистики.
2. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (GDP_pc_PPP), источником послужила база данных Всемирного банка (World Bank – World Development Indicators).

3. Продолжительность жизни (Life Expectancy) – ожидаемая продолжительность жизни при рождении, измеренная в числе лет. Данный показатель является одним из составляющих компонентов индекса человеческого развития (Human Development Index), а потому он выбран как один из показателей социально-экономического развития государств.
4. Младенческая смертность (Infant Mortality) – измеряется как число детских (возрастом до одного года) смертей из расчета на 1000 родившихся – взят из баз данных World Development Indicators.
5. Уровень урбанизации (Urban Rate) – доля городского населения, как процент живущих в городах от общего числа жителей государства – данные Всемирного банка (World Development Indicators).
6. Форма территориального устройства (dummy-переменная) – где 0 – это унитарное государство, а 1 – это федеративное государство.
7. Фиктивные переменные на года: данный показатель введен в анализ, чтобы очистить исходные данные от тренда.

5. Структура массива данных и методы исследования

Исходный массив представляет собой пространственно-временную выборку (*time-series cross-section, TSCS*): где в качестве объектов наблюдения выступают 74 страны мира (полный список стран см. в приложении 1) за период с 1981 по 2009 г. Таким образом, каждое наблюдение – это конкретное государство в определенный год. Стоит оговорить, что при составлении выборки стран мы намеренно не включали в нее малые развитые государства Западной Европы, а также страны с отсутствующей государственностью, т.е. так называемые *failed states*.

Преимущество пространственно-временных (*time series cross-section data*) выборок перед обычными пространственными выборками (*cross-section data*) состоит в том, что они позволяют анализировать изменения на индивидуальном уровне за определенный период времени. Пространственно-временная организация массива данных имеет два основных подвида в зависимости от соотношения числа объектов наблюдений и длины временного ряда: панельные данные и пространственно-временные данные [Beck, Katz, 2009]:

- *панельные данные (panel data)*, когда число объектов (N) в выборке значительно превышает число периодов времени, за которые имеются наблюдения (T). Регистрация показателей происходит на одних и тех же объектах. Например, данные по какому-то показателю для большого числа (несколько тысяч) домохозяйств за прошедшие пять лет;
- *пространственно-временные данные (time-series – cross-sectional, TSCS)*, когда имеющаяся выборка состоит из небольшого числа объектов (N маленькое), но исследуемые показатели по ним зарегистрированы за довольно длительный срок (T большое). Например, данные ВВП на душу населения для европейских государств за последние 50 лет.

Пространственно-временные данные привлекательны для политологов так как они покрывают небольшое количество объектов исследования за длительный период времени, а межстрановые наблюдения за 10–30 лет по ряду показателей распространены в политологии и политической экономии, и позволяют в определенной степени учитывать уникальность изучаемых единиц.

Для решения задач исследования были выбраны следующие *статистические методы*:

- 1) корреляционный анализ, позволяющий установить наличие и силу статистической взаимосвязи (линейной или монотонной) двух и более показателей, а также ее направление (положительное или отрицательное);
- 2) регрессионный анализ, позволяющий установить направление, вид и математическую форму статистической взаимосвязи на достаточно большой группе наблюдений в конкретный временной период;
- 3) иерархический кластерный анализ – с целью интерпретации полученных результатов регрессионного анализа.

6. Полученные результаты исследования

6.1. Корреляционный анализ

Из табл. 3 корреляционного анализа видно, что между уровнем децентрализации и показателем легитимности наблюдается статистически значимая (на уровне значимости равном 1%, так как минимальный уровень значимости меньше 0,001) положительная, но не очень сильная корреляция, равная 0,347.

Таблица 3. Результаты корреляционного анализа политической децентрализации и индекса легитимности

		Индекс легитимности	Уровень децентрализации
Индекс легитимности	Коэффициент корреляции	1,000	0,347(**)
	Уровень значимости (Sig. (2-tailed))		<0,001
	Число наблюдений	1962	1153
Уровень децентрализации	Коэффициент корреляции		1,000
	Уровень значимости (Sig. (2-tailed))		
	Число наблюдений		1161

** Коэффициент корреляции значим на 1%-м уровне значимости при двухсторонней альтернативе.

Напомним, что коэффициент корреляции показывает только линейную связь. В то время как процессы взаимосвязи децентрализации и легитимности могут носить нелинейный характер. Поэтому рассмотрим диаграмму рассеяния наших наблюдений на всем временном промежутке (рис. 1) и для 2008 г. (рис. 2).

Диаграмма рассеяния (рис. 1) не показывает четкой линейной или нелинейной связи. Скорее она отражает некоторую закономерность, когда с ростом одного показателя другой увеличивается или уменьшается.

6.2. Регрессионный анализ

В процессе работы с пространственно-временной выборкой нам важно понимать, каким образом рассматривать имеющиеся данные. Мы можем проводить анализ:

- 1) на *объединенной пространственно-временной выборке (pooled time-series cross-section data)*. Эта технология наиболее часто используется в политэкономии при анализе взаимосвязи между различными политическими институтами и экономическими переменными в определенных странах за определенный промежуток времени. Объеди-

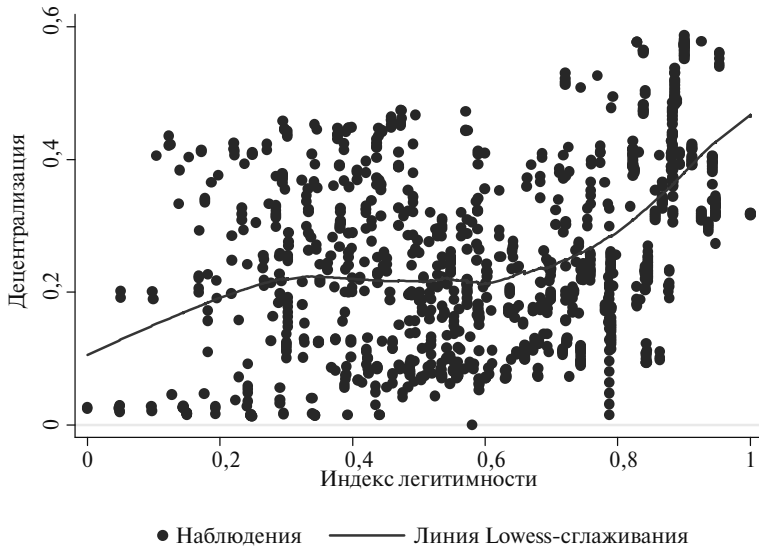

Рис. 1. Диаграмма рассеяния наблюдений за весь анализируемый промежуток времени

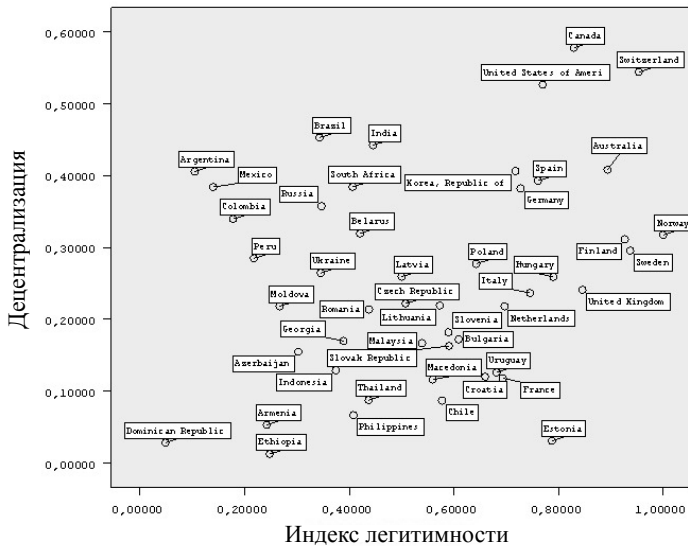

Рис. 2. Диаграмма рассеяния наблюдений для 2008 г.

ненная пространственно-временная выборка совмещает два вида данных: пространственные данные и данные временного ряда. Pooled data – это $N \cdot T$ наблюдений, где N – это число пространственных наблюдений (например, количество стран в выборке), а T – временной период, который включен в выборку (например, количество лет) [Podesta, 2002]. Кроме того, чтобы скорректировать ошибки, применим к нашим данным метод *робастных сэндвич-оценок*, математическая основа которого сводится к работе с обратной ковариационной матрицей. Также данный метод не требует жесткого условия гомоскедастичности ошибок [Carroll et al., 1998];

2) с использованием *панели данных (time-series cross-section data)*, где мы должны рассматривать динамику изменения наших показателей в каждой отдельно взятой стране. В процессе этого метода анализа мы проверяем наличие фиксированного эффекта во взаимосвязи между нашими исходными концептами (fixed effects).

В рамках данного исследования построены обе модели: модель на объединенной пространственно-временной выборке с робастными ошибками и модель с фиксированными эффектами для панельных данных.

В большинстве случаев во множественных регрессиях, особенно построенных на пространственных выборках, трудно, если вообще возможно, утверждать об отсутствии *неучтенных переменных (omitted variable)*. Если использовать модель множественной регрессии, то можно попытаться включить в нее все переменные, которые могут одновременно оказывать влияние на отклик (y) и на интересующий нас вектор объясняющих переменных (X), и учитывать их уровень. Поэтому наряду с главной интересующей нас переменной политической децентрализации мы включим в наше регрессионное уравнение еще и контрольные переменные: население страны, ВВП на душу населения по ППС, младенческая смертность, продолжительность жизни, этническая неоднородность, уровень урбанизации и форму территориального устройства (результаты корреляционного анализа см. в приложении 2).

Таким образом, уравнение регрессии выглядит следующим образом:

$$Y_i = \beta_0 + \beta_1 X_i + C_i + \varepsilon_i, \quad (1)$$

где Y_i – это индекс легитимности, X_i – показатель уровня децентрализации, C_i – набор контрольных переменных (население страны, ВВП на душу населения по ППС, младенческая смертность, продолжительность

жизни, этническая неоднородность, уровень урбанизации и форма территориального устройства) и ε_t – случайный член.

Для того чтобы проверить допущения классической линейной модели регрессии, оценим объединенную пространственно-временную модель, которая будет полностью игнорировать пространственно-временную структуру данных. В модели присутствует ряд переменных, которые могут быть сильно связаны между собой, а потому необходимо понять, насколько велика проблема мультиколлинеарности. Для этого посмотрим на результаты VIF-статистики (*variance inflation factor*) (табл. 4), которая показывает, насколько завышенными оказываются оценки дисперсий коэффициентов регрессии:

Таблица 4. Результаты VIF (*variance inflation factor*) статистики

Переменная	VIF	1/VIF
Продолжительность жизни	7,89	0,126770
Младенческая смертность	6,57	0,152274
Уровень урбанизации	2,48	0,402898
ВВП на д/н по ППС	2,46	0,407034
Уровень децентрализации	2,31	0,433102
Форма территориального устройства	1,85	0,541102
Численность населения	1,68	0,595304
Этническая фрагментарность	1,62	0,617744
Средний VIF	3,36	

Ни одно из значений не превышает 10, а во всех случаях, кроме продолжительности жизни и младенческой смертности, даже 5, следовательно, мы можем продолжить анализ данных, пренебрегая проблемой мультиколлинеарности.

Построим модель на объединенной пространственно-временной выборке, оценив коэффициенты регрессии методом наименьших квадратов.

Таблица 5. Результаты для модели регрессии на объединенной пространственно-временной выборке

Переменные	Модель (1) Индекс легитимности	Модель (2) Индекс легитимности
Уровень децентрализации	0,302***	0,0585
	(0,0523)	(0,0462)
Младенческая смертность	-0,00487***	-0,00770***
	(0,000641)	(0,000543)
Продолжительность жизни	-0,00611**	-0,0136***
	(0,00240)	(0,00204)
ВВП на д/н по ППС	1,02e-05***	1,61e-05***
	(7,20e-07)	(7,23e-07)
Этническая фрагментарность	-0,215***	-0,0922***
	(0,0282)	(0,0238)
Численность населения	-8,13e-11**	1,04e-10***
	(0)	(0)
Уровень урбанизации	-0,00280***	-0,00244***
	(0,000435)	(0,000373)
Форма территориального устройства	0,00192	-0,0146
	(0,0158)	(0,0131)
Константа	1,210***	1,724***
	(0,182)	(0,154)
Общая численность наблюдений	1092	1092
R-squared	0,553	0,691
В круглых скобках указаны робастные стандартные ошибки		
*** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$		

Из модели (1) табл. 5 видно, что при анализе объединенной пространственно-временной выборки наблюдается статистическая значимость коэффициента регрессии при показателе политической децентрализации ($\beta_1 = 0,302$). При этом любопытно, что в отличие от нашей

исходной гипотезы коэффициент регрессии оказывается положительным, что свидетельствует о том, что при увеличении индекса политической децентрализации при прочих равных легитимность существующей в государстве власти увеличивается. Стоит отметить, что R^2 данной модели равен 0,553. Это свидетельствует о том, что модель объясняет примерно 56% вариации¹.

Тест Кука на наличие нетипичных наблюдений в выборке (рис. 3) показал, что явными выбросами в выборке являются Индия, Россия и Уганда.

После исключения нетипичных наблюдений и переоценки коэффициентов регрессии остается подозрение, что получившаяся в первой модели статистическая значимость коэффициента регрессии при показателе децентрализации носит случайный характер. А потому добавим к модели (1) дамми-переменные на годы, чтобы исключить возможный тренд в наблюдениях:

$$Y_i = \beta_0 + \beta_1 X_i + C_i + Year_i + \varepsilon_i \quad (2)$$

---

¹ Так как по результатам теста Бреуша – Пагана (Приложение 2) для проверки гипотезы о гомоскедастичности остатков, нулевая гипотеза о гомоскедастичности остатков модели отвергается (минимальный уровень значимости меньше 0,05), то можно говорить о гетероскедастичности остатков модели. В связи с этим применим робастные сэндвич-оценки, не требующие жесткого условия гомоскедастичности остатков.

При рассмотрении остатков переоцененной модели из табл. П1 (Приложение 2) видно, что остатки имеют распределение, отличное от нормального. Это подтверждают и тесты Колмогорова – Смирнова и Шапиро – Уилка, так как минимальный уровень значимости $< 0,05$. Проверка остатков на наличие автокорреляции, с использованием статистики Дарбина – Уотсона (статистика оказывается равной 0,2) свидетельствует о наличии автокорреляции остатков. Построение автокорреляционной и частной автокорреляционной функции остатков (табл. П2–П5 в Приложении 2) позволяет описать характер автокорреляционных процессов. Из табл. П2, П3 (Приложение 2) видно, что остатки представляют собой нестационарный ряд, так как значение автокорреляционной функции медленно убывает, а значение частной автокорреляционной функции обнуляется после первого значения. Здесь можно предположить автокорреляцию первого порядка AR(1), в таком случае необходимо будет взять лагированные на единицу значения наших независимых переменных. Из табл. П4, П5 (Приложение 2) с автокорреляционной и частной автокорреляционной функцией первой разности, а также на коррелограммах (рис. П1, П2 в Приложении 2) для первой разности остатков видно, что для первой разности автокорреляция уже отсутствует. Следовательно, предположение о том, что это нестационарный ряд, а не AR(1), было верным. Диаграмма рассеяния для остатков переоцененной модели (рис. П3 в Приложении 2) показывает, что остатки распределены довольно произвольно, что свидетельствует об их гомоскедастичности.

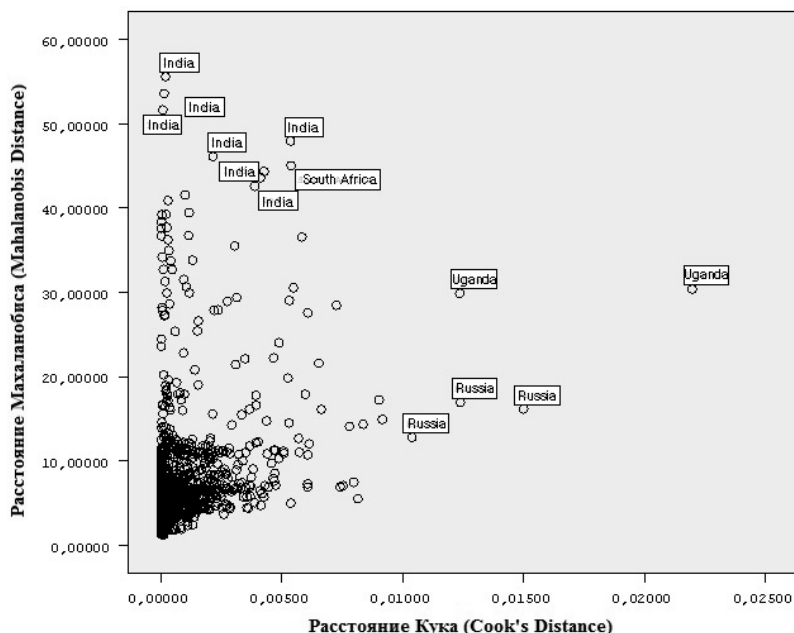

Рис. 3. Графическая интерпретация теста Кука, выявляющая нетипичные наблюдения в выборке

Как видно из результатов регрессионного анализа для модели (2) в табл. 5, коэффициент при показателе децентрализации оказывается также статистически значимым, так как здесь минимальный уровень значимости равен 0,0462.

Однако для наиболее точной оценки эффекта влияния уровня децентрализации на легитимность центральной власти на нашей подвыборке построим *модель с фиксированными эффектами и робастными ошибками* – модель (3) (табл. 6). В основе данной модели лежит довольно сильное предположение о влиянии децентрализации на легитимность вне зависимости от временных трендов и от прочих случайных процессов. Именно на результаты данной модели мы и будем опираться в процессе дальнейшего анализа.

Из табл. 6 видно, что при наличии фиксированных эффектов коэффициент регрессии при уровне децентрализации оказывается статистически незначимым, минимальный уровень значимости (p-value) в данном

случае равен 0,166. Иными словами, результаты этой модели показывают, что влияние процессов политической децентрализации на уровень легитимности центральной власти на примере данной выборки не наблюдается.

Таблица 6. Модель (3) с фиксированными эффектами и робастными ошибками

Переменная	Уровень легитимности
Уровень децентрализации	0,169
	(0,166)
Младенческая смертность	-0,00173
	(0,00222)
Продолжительность жизни	-0,00383
	(0,00666)
ВВП на д/н по ППС	1,05e-06
	(1,18e-06)
Численность населения	-3,57e-10*
	(1,87e-10)
Уровень урбанизации	-0,00440*
	(0,00237)
Константа	1,170*
	(0,620)
Число наблюдений	1092
Число групп наблюдений	54
R-squared	0,038
В круглых скобках указаны робастные стандартные ошибки	
*** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$	

Исходя из результатов регрессионного анализа (для модели с фиксированными эффектами и робастными ошибками) мы можем сделать вывод, что на полной выборке, состоящей из 74 стран за период с 1981 по 2009 г., не наблюдается статистически значимого воздействия уровня политической децентрализации на легитимность центральной власти.

Однако стоит предположить, что влияние децентрализации на легитимность центральной власти может быть весьма разнородным и даже противоречивым в зависимости от состава выборки. Именно поэтому необходимо провести кластерный анализ и рассмотреть характер взаимосвязи между децентрализацией и легитимностью в каждом из кластеров.

6.3. Кластерный анализ

Мы уже отмечали, что процесс взаимосвязи политических концептов довольно неоднозначный и может носить нелинейный характер, а потому попробуем провести кластеризацию наших наблюдений и посмотреть, присутствует ли какая-либо тенденция во взаимосвязи наших концептов на отдельных подвыборках.

В качестве входных условий кластеризации мы использовали индекс легитимности, уровень политической децентрализации и этническую неоднородность, которая также может являться одним из факторов переориентации модели легитимности в современном мире. По итогам первичной иерархической кластеризации, реализованной с помощью метода Варда (Ward method) и метрикой – квадрата Евклидова расстояния, наша выборка была разбита на пять кластеров:

1. Аргентина, Беларусь, Бразилия, Индия, **Россия**, Колумбия, Мексика, Перу, ЮАР.
2. Болгария, Чили, Хорватия, Чехия, Франция, Литва, Румыния, Словакия, Словения, Уругвай, Армения, Азербайджан, Доминиканская Республика, Филиппины, Эстония.
3. Австралия, Финляндия, Германия, Венгрия, Италия, Южная Корея, Нидерланды, Норвегия, Польша, Швеция, Соединенное Королевство (Великобритания).
4. Канада, Испания, Швейцария, США.
5. Эфиопия, Индонезия, Таиланд, Грузия, Латвия, Македония, Малайзия, Молдова, Украина.

Проведем регрессионный анализ с использованием *пространственно-временной модели с фиксированными эффектами для каждого из кластеров*.

Таблица 7. Результаты регрессионного анализа на подвыборках (кластерах) для моделей с фиксированными эффектами и робастными оценками

Переменная	Индекс легитимности				
	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
Уровень децентрализации	-0.324	9.206***	0.849	-4.389**	-4.857
	(2,535)	(2,667)	(1,463)	(1,302)	(3,445)
Младенческая смертность	6,594	4,797	-23,64**	-9,118	-5,485
	(5,137)	(4,509)	(8,475)	(5,935)	(5,004)
Продолжительность жизни	-0,144	-0,406***	-0,917***	-1,178***	-0,619***
	(0,196)	(0,108)	(0,124)	(0,117)	(0,0609)
ВВП на д/н по ППС	-0,166	0,274	1,845***	2,419***	-0,380
	(0,327)	(0,380)	(0,486)	(0,334)	(0,244)
Этническая фрагментарность	0,00101***	0,000837***	0,000233*	0,000272**	0,000958**
	(0,000235)	(8,21e-05)	(0,000108)	(6,18e-05)	(0,000286)
Уровень урбанизации	2,59e-08*	-1,33e-07	3,27e-07	2,77e-08*	-1,20e-07*
	(1,37e-08)	(2,01e-07)	(2,81e-07)	(1,16e-08)	(6,07e-08)
Форма территориального устройства	1,184**	0,674*	0,339**	0,0597	0,267**
	(0,386)	(0,315)	(0,119)	(0,0455)	(0,106)
Константа	1,921***	1,930***	1,827***	1,809***	2,040***
	(50,57)	(31,00)	(38,24)	(26,03)	(17,86)
Число наблюдений	217	302	270	112	164
Число групп наблюдений	9	15	11	4	9
R ²	0,955	0,949	0,983	0,996	0,972
В круглых скобках указаны робастные стандартные ошибки					
*** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$					

Из табл. 7 видно, что статистически значимыми коэффициентами регрессии при показателе уровня политической децентрализации оказались коэффициенты во втором и в четвертом кластере. При этом отметим, что знак коэффициента в этих случаях различен. Иными словами, для второго кластера с увеличением степени политической децентрализации при прочих равных уровень легитимности центральной власти увеличивается. А в четвертом кластере наблюдается противоположная тенденция, которая и соответствует нашей исходной гипотезе исследования, т.е. с увеличением степени политической децентрализации при прочих равных уровень легитимности центральной власти снижается, здесь происходит изменение модели легитимности: люди в большей степени поддерживают свою региональную власть, нежели центральную (общенациональную).

Рассмотрим подробнее наши кластеры и проанализируем, почему именно в этих государствах наблюдается подобная закономерность. Второй кластер представлен унитарными государствами, где в наиболее явном виде свои стремления к политической децентрализации проявляют только Филиппины и Франция. В исторически сложившихся сильно централизованных небольших по территории государствах перераспределение полномочий между центральным и локальным уровнями управления расценивается гражданами как не более чем стратегии грамотного политического регулирования. Именно поэтому подобная политика способствует увеличению легитимации существующей власти. Иными словами, положительное влияние процессов децентрализации на уровень легитимности может быть связано с одобрением гражданами политики центра, направленной на перераспределение ресурсов и передачу ряда полномочий в руки региональных властей.

Четвертый кластер представлен сильно децентрализованными и нормативно закрепленными федерациями, а потому неудивительно, что здесь наблюдается отрицательное негативное влияние процессов децентрализации на уровень легитимности центральной власти. Люди здесь склонны поддерживать свои местные и региональные власти, чьи позиции оказываются более эффективными в решении конкретных, в частности социально-экономических, проблем отдельных регионов. Кроме того, стоит упомянуть о национально-территориальной разобщенности этих государств, что также способствует образованию сильных региональных партий, пользующихся большой поддержкой в своих регионах [Brancati, 2008].

Испания является ярким примером подобной региональной политики. С начала демократических преобразований в Испании практически все ее регионы продемонстрировали сильное стремление к сепаратизму. В сложившихся условиях центральное правительство было вынуждено пойти на уступки, что предопределило особую гибкость нового законодательства в вопросе национальной и региональной автономии. Испанская Конституция 1978 г. основывается на нерасторжимом единстве и неделимости государства всех испанцев, что, по сути, подразумевает унитарный характер государства. При этом Конституция действует на всей территории страны без особых ограничений. В то же время сама же Конституция признает существование на территории страны отдельных этнических групп и регионов, имеющих право на автономию и взаимную солидарность. В 1979 г. первыми широкою автономию получили Каталония, Страна Басков и Галисия (имеющие собственные национальные языки), затем Андалусия, а в дальнейшем снятия ограничений добились и Валенсия, Наварра и Канарские острова. Позднее наряду с автономией исторических областей были признаны права других уровней власти – провинциальных (т.е. 50 испанских провинций). Иными словами, в соответствии с текущей конституцией Испания превратилась в «государство автономий». И тем не менее подобная политика центрального правительства не исключает существования в стране споров и конфликтов как между центром и регионами, так и между отдельными провинциями. Все это стимулировало две ведущие политические партии – Испанскую социалистическую рабочую партию и Народную партию Испании – подписать в 1992 г. Пакт об автономии, означающий достижение согласия относительно принципов и основ построения «государства автономий» и региональной политики, в принципе [Понеделко, 2009]. Важная роль отводилась непосредственно региональным партиям, которые продолжали занимать значимое место в политической системе Испании.

Правоцентристская каталонская партия Конвергенции и Союз (КИС) располагала в середине 1990-х годов большинством мест в Каталонской региональной ассамблее. На общенациональных парламентских выборах 1993 и 1996 г. она набрала значительное число голосов и стала партнером по коалиции с Испанской социалистической рабочей партией (ИСПП), а затем с Народной партией (НП). В Стране Басков, где всегда проявлялись сепаратистские настроения, в середине 1990-х годов образовалась несколько довольно сильных по своему влиянию и поддержке

со стороны избирателей партий. Самой крупной из них была и остается Баскская националистическая партия (БНП), которая стремится к полной автономии басков мирным путем. Батасуна, или Партия единства, выступала в союзе с нелегальной организацией ЭТА (Баскское Отечество и Свобода), которая призывает к созданию независимого Баскского государства, не отрицая необходимости насильственных методов в борьбе за автономию. Большим влиянием пользуются и региональные партии в Андалусии, Арагоне и Канарских островах [Испания].

В Канаде также активное участие в политической жизни страны принимает Квебекская партия (КП), которая начиная с 1970-х годов добивается признания квебекской нации и ее права на самоопределение, а также осуществление отделения франкоязычной провинции Квебек от Канады при сохранении «экономической ассоциации» между двумя государствами. Сама партия придерживается социально-демократической ориентации, но ее особенностью является то, что она остается исключительно региональной партией и в федеральных выборах не участвует, в отличие от Квебекского блока, образованного в 1990 г. квебекскими сепаратистами именно для участия в федеральных выборах и для осуществления представительства квебеканцев на общенациональном уровне власти. Квебекский блок, напротив, не участвует в провинциальных выборах, но активно поддерживает политику Квебекской партии. Квебекский блок не только отстаивает идею самоопределения квебекской нации и отделение Квебека от Канады, но также, будучи социально-демократически ориентированной, выступает за социально-экономические реформы на территории Квебека, в частности за необходимость преобладающей роли государства в условиях «квебекской модели», а также за сокращение федеральных налогов на лиц со средними доходами, развития и расширение системы страхования от безработицы, за увеличение федеральных трансфертов на нужды здравоохранения и за отказ от сокращения расходов на социальную политику [Канада].

В данный кластер также были отнесены США и Швейцария – страны с исторически сложившимся федеративным устройством. Стоит отметить, что одной из причин легитимации региональной, а не общегосударственной власти в этих государствах можно назвать историю становления этих федераций. И США, и Швейцария на пике становления своей государственности являлись конфедеративными государствами, т.е. с юридической точки зрения – это договорные федерации, когда из нескольких отдельных субъектов политики было образовано единое государство.

Именно региональные власти обладают наибольшими полномочиями и автономией в социально-экономической политике своих регионах. Общенациональное правительство занимается исключительно вопросами безопасности, внешней политики и экономической политики страны как актора международных отношений. А потому неудивительно, что с увеличением подобной автономии граждане в большей степени поддерживают политику своих региональных властей.

Таким образом, результаты кластерного анализа позволили нам сформировать пять кластеров государств, различающихся по своему территориальному устройству, а также политическому и экономическому развитию. В результате регрессионного анализа на каждой из подвыборок, а также качественного анализа отдельных выборок мы пришли к выводу, что политическая децентрализация может создавать определенные условия для изменения уровня легитимности центральной власти. Подобные явления наблюдаются в двух случаях. В первую очередь это сильно централизованные унитарные государства, где перераспределение полномочий от центра к регионам сопровождается одобрением политики государства со стороны населения. А также, наоборот, в сильно децентрализованных государствах с исторически сложившимся институтом федерализма (США, Швейцария) или же с довольно раздробленной системой управления государством (Испания, Канада), где политика общенационального уровня власти не настолько связана с актуальными социальными проблемами граждан, а потому общенациональная власть здесь оказывается легитимной лишь в силу того, что она избрана гражданами государства, в то время как региональные власти в этих странах легитимны именно в силу своей эффективной региональной политики. Таким образом, стоит предположить, что в развитых децентрализованных государствах именно перераспределение ключевых полномочий между центральной и региональной (местной) властью становится основной причиной снижения уровня доверия к центральной власти, что и является оправданием нашей исходной гипотезы исследования.

7. Заключение

В данной работе проверялась гипотеза о том, что увеличение степени политической децентрализации приводит к снижению уровня легитим-

ности центральной власти государства. Для проверки гипотезы были использованы данные по 74 государствам за период с 1981 по 2009 г.

Эмпирический анализ показал, что наша исходная гипотеза должна быть отвергнута при анализе всей выборки в целом, однако она получила подтверждение на нескольких подвыборках государств. Данный вывод был получен на основе корреляционного, регрессионного и кластерного анализа. Это свидетельствует о том, что взаимосвязь между уровнем политической децентрализации и легитимностью центральной власти представляет собой довольно противоречивый процесс.

Стоит отметить, что выводы данного исследования сильно зависят от индикаторов, отобранных в рамках операционализации исходных концептов, а также в принципе от состава исследуемой выборки. Также немаловажно и то, что на взаимосвязь между децентрализацией и уровнем легитимности могут оказывать непосредственное влияние социально-экономические показатели и институциональный дизайн государств.

Корреляционный анализ позволил проанализировать статистически значимую взаимосвязь между исходными концептами: политической децентрализацией и легитимностью.

Результаты регрессионного анализа показали, что на всей выборке наша гипотеза о наличии взаимосвязи между политической децентрализацией и уровнем легитимности центральной власти должна быть отвергнута. Однако в результате проведения кластерного анализа, который позволил разбить исходную выборку на пять основных групп, каждая из которых вновь с помощью регрессионного анализа была исследована на наличие взаимосвязи между политической децентрализацией и легитимностью центральной власти, мы пришли к выводу о существовании подобной взаимосвязи в двух из пяти группах стран.

Иными словами, при анализе отдельных кластеров мы заключили, что влияние политической децентрализации на уровень легитимности центральной власти наблюдается лишь при определенных условиях и для определенной категории стран.

В слабо децентрализованных развитых унитарных и новых федеративных (характеризующихся процессами централизации, как, в частности, Россия) государствах наша исходная гипотеза не подтверждается. Иными словами, в этих странах какие-либо изменения в перераспределении полномочий между центральными и местными властями никак не влияют на легитимацию существующих государственных институтов.

Подобный вывод нельзя распространять на небольшие унитарные государства, которые характеризуются не самым высоким уровнем своего социально-экономического положения. Наличие прямой линейной связи между децентрализацией и легитимностью для данного кластера может объясняться одобрением гражданами политики центра, направленной на перераспределения ресурсов. Вторая группа стран с наличием статистически значимого воздействия процессов политической децентрализации на уровень легитимности центральной власти – это государства с исторически сложившимся федерализмом (Канада, США и Швейцария), а также сильно децентрализованное «государство автономий» – Испания, где с каждым годом все сильнее чувствуются сепаратистские настроения. Регрессионный анализ, проведенный для данного кластера, выявил наличие обратного влияния политической децентрализации на уровень легитимности центральной власти, т.е., по сути, с увеличением автономии отдельных регионов в рамках этих государств, при прочих равных граждане в большей степени одобряют и поддерживают политику своих региональных властей, нежели общенациональных. В результате анализа данного кластера возникает вопрос о каузальности взаимосвязи между политической децентрализацией и уровнем легитимности центральной власти. Мы допускаем, что наличие отрицательной взаимосвязи может говорить о том, что, напротив, с увеличением поддержки региональных властей и снижением роли центра в принятии ключевых решений на региональном уровне общенациональное правительство идет на уступки и начинает проводить политику децентрализации, т.е. передавать часть своих полномочий регионам. Стоит лишь напомнить, что методами статистического анализа установить причинность довольно сложно, т.е. мы не можем говорить о как таковом «влиянии», а лишь можем попытаться обосновать направление обнаруженной связи, опираясь на теоретические знания и подтверждая их наличие определенными кейсами, как и было сделано в данном исследовании на примере Испании и Канады. Здесь было четко показано, что образование региональных партий, стоящих на определенных политических платформах стимулировало развитие процессов децентрализации, которые, в свою очередь, привели к изменению модели легитимности в этих государствах.

Говоря о валидности данного исследования, стоит отметить, что полученные результаты распространяются не на все государства, а лишь на те, по которым и были получены оценки коэффициентов регрессии. Однако наличие линейной взаимосвязи между политической децентра-

лизацией и уровнем легитимности центральной власти даже для отдельных групп государств может свидетельствовать о возможном начале переориентации модели легитимности – *paradigm shift* – в условиях доминирования центробежных сил во взаимоотношениях «центр – регион». Если еще в начале XX в. даже для таких децентрализованных сегодня государств, как Испания, США и Франция, ключевым понятием считалось «национальное государство» и то, как граждане легитимируют это национальное государство, то сегодня можно отметить отдельные примеры стран, где в условиях чрезмерного развития процессов децентрализации доверие граждан перемещается с общенационального на региональные и локальные уровни. Становится очевидным, что именно региональные и локальные власти могут более эффективно справляться с различными проблемами на своем локальном уровне.

Разумным направлением дальнейшего исследования представляется более подробный анализ базовых концептов исследования – политической децентрализации и легитимности, попытка подбора для них более релевантных индикаторов и анализ каузальности исследуемых процессов.

Источники

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия. URL: http://www.nir.ru/socio/articles/weber_politika.htm (дата обращения: 18.05.2012).
2. Гуриев С.М. Три источника – три составные части экономическо-го империализма // Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 134–141.
3. Испания // Электронная библиотека «Кругосвет». URL: http://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/ISPANIYA.html?page=0,6 (дата обращения: 18.05.2012).
4. Канада // Электронная библиотека «Кругосвет». URL: http://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/KANADA.html?page=0,6 (дата обращения: 18.05.2012).
5. Олейнов А.Г. Политический процесс сквозь призму экономической науки: комплексный подход // Полис. 2009. № 4. С. 53–71.
6. Политическая наука: новые направления / пер. с англ. М.М. Гурвица и др.; науч. ред. Е.Б. Шестопал. М.: Вече, 1999.

7. Понеделко Г. Региональная политика Испании // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 1. С. 84–93.
8. Туровский Р.Ф. *Политическая регионалистика*. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.
9. Bardhan P. (2002). Decentralization of governance and development // *Journal of Economic Perspectives*. Vol.16 (4). P. 185–205.
10. Beck N., Katz J. (2009). Modeling Dynamics in Time-Series – Cross-Section Political Economy Data / California Institute of Technology, Social Science Working Paper 1304. P. 1–32.
11. Beramendi P. Federalism // *Oxford Handbook of Comparative Politics*. Article 31. URL: http://www.oxfordhandbooks.com/oso/public/content/oho_politics/9780199566020/toc.html/ (дата обращения: 18.05.2012).
12. Bermeo N. (2004). Conclusions: the merits of federalism // *Federalism, Unitarism and Territorial Cleavages* / U. Amoretti, N. Bermeo (eds). Baltimore: Johns Hopkins University Press. P. 457–486.
13. Boix C. (2003). *Democracy and Redistribution*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Brancati D. (2006). Decentralization: Fueling the Fire or Dampening the Flames of Ethnic Conflict and Secessionism? // *International Organization*. Vol. 60. P. 651–685.
15. Brancati D. (2008). The Origins and Strengths of Regional Parties // *British Journal of Political Science*. Vol. 38. P. 135–159.
16. Bunce V. (2004) *Federalism, Nationalism and Secession: The Communist and Postcommunist Experience* // *Federalism, Unitarism and Territorial Cleavages*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. P. 417–440.
17. Carroll R.J., Wang S., Simpson D.G., Stromberg A.J., Ruppert D. (1998). The Sandwich (Robust Covariance Matrix) estimator. URL: <http://citeserx.ist.psu.edu/> (дата обращения: 18.05.2012).
18. Davis M. C. (1999). The Case for Chinese federalism // *Journal of Democracy*. Vol. 10 (2). P. 124–137.
19. Desposato S.W. (2004). The Impact of Federalism on National Party Cohesion in Brazil // *Legislative Studies Quarterly*. Vol. 29. P. 259–285.
20. Easton D. (1969) *Children in the Political System: Origins of Political Legitimacy*. McGraw-Hill.
21. Filippov M., Ordeshook P.C., Shvetsova O. (2004). *Designing Federalism: A Theory of Self-sustainable Federal Institutions*. Cambridge Press.
22. Flathman R.E. (1993). *Legitimacy. A Companion to Contemporary Political Philosophy*. P. 527–533.

23. Galligan B. Comparative Federalism // Oxford Handbook of Political Institutions. Article 14. URL: http://www.oxfordhandbooks.com/oso/public/content/oho_politics/9780199548460/toc.html (дата обращения: 18.05.2012).
24. Gibson E.L. (2004). Federalism and Democracy: Theoretical Connections and Cautionary Insights.
25. Gilley B. (2006). The Meaning and Measure of State Legitimacy: Results for 72 Countries // European Journal of Political Research. Vol. 45 (3). P. 499–525.
26. Hadenius A. (2003). Decentralization and Democratic Governance Experiences from India, Bolivia and South Africa. URL: http://www.ispla.su.se/gallery/bilagor/Hadeniusstudy2003_3.pdf (дата обращения: 18.05.2012).
27. Hardin R. (1998). Reasonable Agreement: Political not Normative. in Impartiality, Neutrality and Justice: Re-reading Brian Barry's", Justice as Impartiality / P.J. Kelly (ed.). Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 137–153.
28. Hardin R. Compliance, Consent, and Legitimacy // Oxford Handbook of Comparative Politics. Article 10. URL: http://www.oxfordhandbooks.com/oso/public/content/oho_politics/9780199566020/toc.html (дата обращения: 18.05.2012).
29. Hechter M. (1992). The Dynamics of Secession // Acta Sociologica. Vol. 35. P. 267–283.
30. Horowitz D.L. (1985). Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: University of California Press.
31. Kai-Ming C. (1994). The Changing Legitimacy in a Decentralized System: The State and Education Development in China // Educational Development. Vol. 14 (3). P. 265–269.
32. Lazar H., Telford H., Watts R. L. (2003). The Impact of Global and Regional Integration on Federal Systems: A Comparative Analysis. Montreal: McGill-Queen's University Press.
33. Lijphart A. (1999). Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven, Conn.: Yale University Press.
34. Lipset S.M. (1959). Political Man: The Social Bases of Politics. N. Y.: Doubleday.

35. March J.G., Olsen J.P. (1984). The New Institutionalism: Organizational Factors in Political life // *American Political Science Review*. Vol. 78. P. 734–749.
36. Moreno L. (2001). *The Federalization of Spain, The Cass Series in Regional and Federal Studies*. L.; Portland, OR: F. Cass.
37. Musgrave R. (1997). Devolution, Grants and Fiscal Competition // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 11 (4). P. 65–72.
38. Oates W (1991). *Essays in Fiscal Federalism*. Cheltenham: Edward Elgar.
39. Oates W. (1972). *Fiscal Federalism*. N.Y.: Harcourt.
40. Oates W.E. (1999) An Essay on Fiscal Federalism // *Journal of Economic Literature*. Vol. 37 (3). P. 1120–1149.
41. Peters B.G. (2005) *Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism*. Gosport, Hampshire: Ashford Colour Press, 2005.
42. Podestà F. (2002). Recent Development in Quantitative Comparative Methodology: The Case of Pooled Time-Series Cross-section Analyses. URL: http://localgov.fsu.edu/readings_papers/Research%20Methods/Podesta_Pooled_Time_Series_Cross_Section.pdf (дата обращения: 18.05.2012).
43. Riker W. (1964). *Federalism: Origin, Operation and Significance*. Boston: Little Brown.
44. Rodriguez-Pose A., Tijnstra S.A.R., Bwire A. (2009). Fiscal Decentralization, Efficiency, and Growth. *Environment and Planning A*. Vol. 41. P. 2041–2062.
45. Schneider A. (2003). Decentralization: Conceptualization and Measurement. *Studies in Comparative International Development*. Vol. 38. P. 32–56.
46. Treisman D. (2007). *The Architecture of Government: Rethinking Political Decentralization*. Cambridge University Press.
47. Tursan L. (1998). *Regionalist Parties in Western Europe*. L.: Routledge.
48. Useem B., Useem M. (1979). Government Legitimacy and Political Stability // *Social Forces*. Vol. 57 (3). P. 840–852.
49. Watts R.L. (1999). *Comparing Federal Systems*. 2nd ed. Montreal: McGill-Queen's University Press.
50. Weatherford M.S. (1992). Measuring Political Legitimacy. *The American Political Science Review*. Vol. 86 (1). P. 149–166.
51. Weber M. (1922) *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkley; Los Angeles: University of California Press.

Электронные базы данных

1. Cingranelli-Richards (CIRI) Human Rights Data Project. URL: <http://ciri.binghamton.edu/documentation.asp> (дата обращения: 18.05.2012).
2. Fiscal Decentralization Indicators. URL: <http://www1.worldbank.org/publicsector/decentralization/fiscalindicators.htm#Formulas> (дата обращения: 18.05.2012).
3. International Monetary Fund. URL: www.imf.ru, <http://www.imf.org/external/index.htm> (дата обращения: 18.05.2012).
4. World Value Survey. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 18.05.2012).

Приложение 1

Перечень стран в выборке

1. Австралия	38. Марокко
2. Азербайджан	39. Мексика
3. Албания	40. Молдова
4. Алжир	41. Нигерия
5. Аргентина	42. Нидерланды
6. Армения	43. Новая Зеландия
7. Бангладеш	44. Норвегия
8. Беларусь	45. Пакистан
9. Болгария	46. Перу
10. Босния и Герцеговина	47. Польша
11. Бразилия	48. Россия
12. Буркина-Фасо	49. Руанда
13. Великобритания	50. Румыния
14. Венгрия	51. Словакия
15. Венесуэла	52. Словения
16. Вьетнам	53. США
17. Гана	54. Таиланд
18. Гватемала	55. Тайвань
19. Германия	56. Танзания
20. Грузия	57. Тринидад-и-Тобаго
21. Доминиканская республика	58. Турция
22. Египет	59. Уганда
23. Замбия	60. Украина
24. Зимбабве	61. Уругвай
25. Индия	62. Филиппины
26. Индонезия	63. Финляндия
27. Иордания	64. Франция
28. Испания	65. Хорватия
29. Италия	66. Чехия
30. Канада	67. Чили
31. Кипр	68. Швейцария
32. Колумбия	69. Швеция
33. Латвия	70. Эстония
34. Литва	71. Эфиопия
35. Македония	72. ЮАР
36. Малайзия	73. Южная Корея
37. Мали	74. Япония

Приложение 2

Тест Бреуша – Пагана

Breusch-Pagan / Cook-Weisberg test for heteroskedasticity

Ho: Constant variance

Variables: fitted values of leg_1_n

chi2(1) = 15.02

Prob > chi2 = 0.0001

Таблица П1. Тесты на нормальность для остатков регрессионной модели

Tests of Normality						
	Kolmogorov-Smirnov ^a			Shapiro-Wilk		
	Statistic	df	Sig.	Statistic	df	Sig.
Unstandardized Residual	,044	1092	,000	,988	1092	,000

a. Lilliefors Significance Correction

Таблица П2. Автокорреляционная функция остатков

Series: Unstandardized Residual					
Lag	Autocorrelation	Std. Error ^a	Box-Ljung Statistic		
			Value	df	Sig. ^b
1	,822	,029	780,578	1	,000
2	,726	,029	1410,585	2	,000
3	,655	,028	1940,631	3	,000
4	,578	,028	2365,806	4	,000
5	,511	,028	2708,870	5	,000
6	,462	,027	2997,476	6	,000
7	,404	,027	3224,016	7	,000
8	,358	,026	3407,669	8	,000
9	,309	,026	3549,286	9	,000
10	,264	,026	3656,247	10	,000
11	,231	,025	3740,090	11	,000
12	,196	,025	3802,840	12	,000
13	,160	,024	3845,659	13	,000
14	,126	,024	3872,860	14	,000
15	,096	,024	3888,989	15	,000
16	,076	,024	3899,414	16	,000

a. The underlying process assumed is independence (white noise).

b. Based on the asymptotic chi-square approximation.

Таблица ПЗ. Частная автокорреляционная функция остатков

Partial Autocorrelations

Series: Unstandardized Residual

Lag	Partial Autocorrelation	Std. Error
1	,822	,030
2	,157	,030
3	,074	,030
4	-,018	,030
5	-,004	,030
6	,027	,030
7	-,031	,030
8	,005	,030
9	-,027	,030
10	-,015	,030
11	,009	,030
12	-,013	,030
13	-,024	,030
14	-,024	,030
15	-,012	,030
16	,015	,030

Таблица П4. Автокорреляционная функция первой разности остатков

Autocorrelations

Series: Unstandardized Residual

Lag	Autocorrelation	Std. Error ^a	Box-Ljung Statistic		
			Value	df	Sig. ^b
1	-,347	,030	132,222	1	,000
2	-,056	,029	135,876	2	,000
3	,120	,029	153,250	3	,000
4	-,037	,028	154,987	4	,000
5	-,058	,028	159,275	5	,000
6	,068	,028	165,476	6	,000
7	-,032	,027	166,914	7	,000
8	-,031	,027	168,283	8	,000
9	,002	,026	168,290	9	,000
10	,001	,026	168,291	10	,000
11	-,016	,025	168,670	11	,000
12	-,044	,025	171,797	12	,000
13	,022	,024	172,617	13	,000
14	,007	,024	172,711	14	,000
15	-,014	,024	173,043	15	,000
16	,012	,024	173,302	16	,000

a. The underlying process assumed is independence (white noise).

b. Based on the asymptotic chi-square approximation.

Таблица П5. Частная автокорреляционная функция первой разности остатков

Partial Autocorrelations

Series: Unstandardized Residual

Lag	Partial Autocorrelation	Std. Error
1	-,347	,031
2	-,201	,031
3	,032	,031
4	,015	,031
5	-,052	,031
6	,019	,031
7	-,011	,031
8	-,033	,031
9	-,041	,031
10	-,022	,031
11	-,018	,031
12	-,069	,031
13	-,029	,031
14	-,002	,031
15	-,002	,031
16	,003	,031

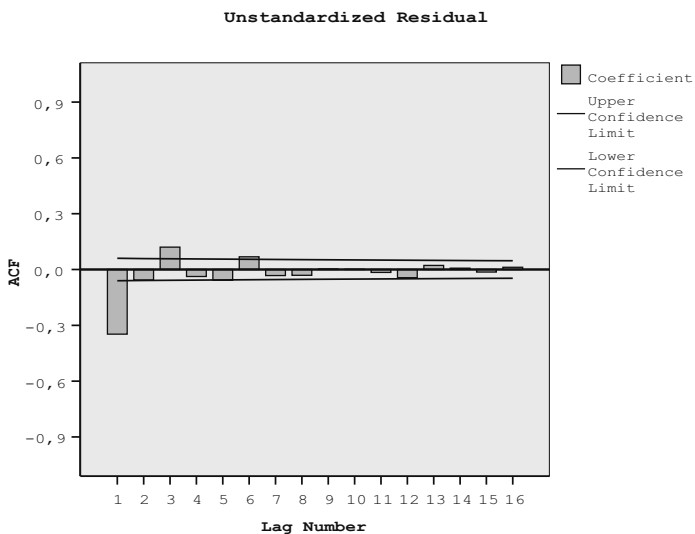

Рис. П1. Коррелограмма первой разности остатков регрессионной модели

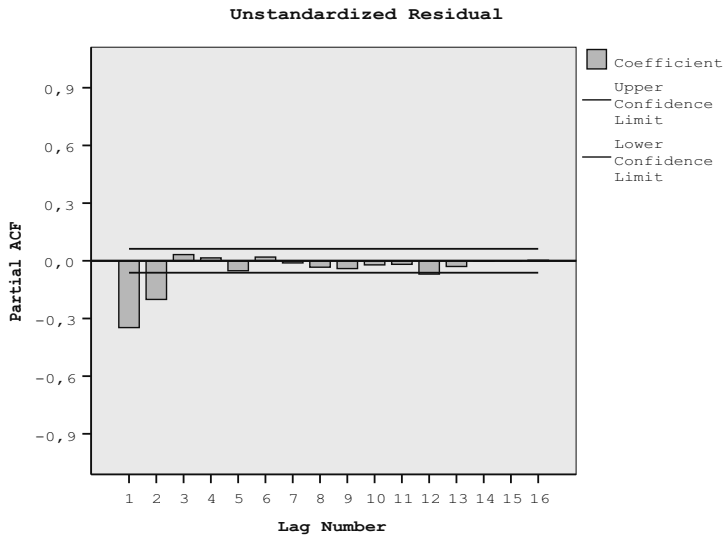

Рис. П2. Коррелограмма первой разности остатков регрессионной модели

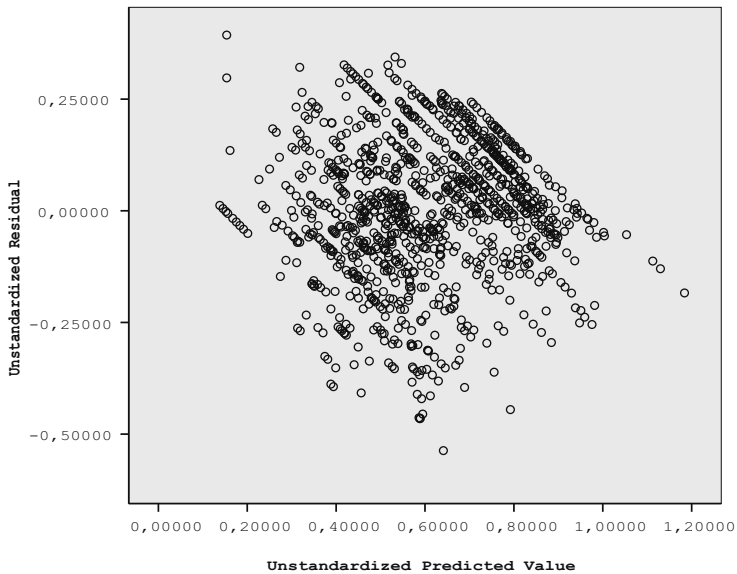

Рис. П3. Диаграмма рассеяния остатков переоцененной модели

Препринт WP14/2013/05

Серия WP14

*Политическая теория
и политический анализ*

Гаспарян Ольга Тиграновна

**Политическая децентрализация и легитимность
центральной власти: межстрановой анализ
возможной взаимосвязи**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*

Корректор *Е.Е. Андреева*

Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии

Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета

Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 50 экз. Уч.-изд. л. 2,9

Усл. печ. л. 2,79. Заказ № . Изд. № 1564

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

125319, Москва, Кочновский проезд, 3

Типография Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»